

№ 47, 24 ноября 1991 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ МАРИИНКИ

В 209-й раз открыл свой сезон Санкт-Петербургский Мариинский театр. Правда, все еще не Мариинский, а Кировский, но в ближайшее время историческая справедливость будет восстановлена. При возвращении к доброму старому имени не обойтись без широкой международной рекламы: целые поколения зрителей, тем более на Западе, понятия не имеют, что такое Мариинка и как она соотносится с известным им Киров-балетом, а теперь, слава Богу, и с Киров-оперой. «Все нужно устроить так, — считает художественный руководитель оперного коллектива Валерий Гергиев, — чтобы в один день об этом узнал весь мир».

Нормальная жизнь театра вполне могла бы начаться после лондонских гастролей 1987 года, когда спектакли Юрия Темиркунова привлекли серьезное внимание европейцев. Но дальше взаимных комплиментов дело не пошло: русская улитка быстро втянула рожки в скорлупу советской всенедозволенности.

Сегодня Кировский театр абсолютно свободен. Не только от идеологического покровительства, но и от сколько-нибудь значимой государственной помощи. Дотации едва хватает на очень скромную зарплату артистам да на единственный спектакль в год (в Европе и Америке в сезон ставят от 8 до 13 опер).

Возрождающейся Мариинке необходимо выжить, сохранить пев-

цов (которые, начав ездить, поняли, что они кое-что стоят на мировом рынке); сберечь музыкантов и хор, о котором зарубежные критики пишут не иначе, как в превосходных степенях; оживить репертуарную афишу. Как? Путь один — вновь включить старейший музыкальный театр России в мировую театральную систему.

В 1989 году молодой maestro Валерий Гергиев, весьма ценными лондонскими музыкантами, буквально ошеломил дирекцию Ковент-Гардена предложением перенести на Кировскую сцену знаменитую постановку Андрея Тарковского «Борис Годунов». Сроки для неторопливого Ленинграда были абсолютно авантюристическими, но в них уложились, и показ этого спектакля на оперной панораме в

ОПЕРА

Москве в исполнении питерских артистов стал событием. «Борис Годунов» жил на Кировской сцене год, на смену ему, тоже на год, из Ковент-Гардена прибыл «Отелло», поставленный там в расчете на итальянских звезд. Собственного Пласидо Доминго в Ленинграде не было, но обнаружился молодой Владимир Галузин, для которого выступление в опере Верди оказалось звездным часом.

Но главное — зарубежные партнеры поверили Кировской опере и ее отважному руководителю. Би-си транслировало по Евровидению «Годунова» и «Войну и мир». В дело вступили «Филипп-классик» — видеокассеты и аудиодиски, парижская «Опера де Бастиль», Сан-Францисская опера, генуэзский театр «Карло Фениче», немецкие, голландские и японские компании. На валюту, вырученную от записей, трансляций и гастролей (последним весьма целебно помогал недавно руганный Госконцерт в лице Владимира Панченко), на средства, что зарубежные партнеры охотно вкладывают в «совместную продукцию», Кировский театр ставит спектакли за спектаклем.

Летом выпустили «Войну и мир» Прокофьева, над которой работали английская постановочная группа. Спектакль получился мало похожим на традиционную русскую «гранд-опера», хотя в нем присутствуют все атрибуты большого оперного представления: балы, парады, народные и батальные сцены. Постановка Грэма Вика удивляет прозрачностью чистотой и графичностью в соединении с фресковой мощью массовых сцен. И несмотря на непривычную для нашей публики протяженность (две части по два часа), не подавляет зрителя. Через год спектакль поступит в распоряжение «Опера де Бастиль», затем — Ковент-Гардена.

Тем же летом 1991 года на гастроль в испанском городе Мерида в древнеримском театре под открытым небом Кировские артисты показали другую премьеру — «Саламбо» Мусоргского в экзотично красивой постановке Мануэля Кансеко с молодой питерской звездой Ольгой Бородиной в главной роли.

В новом сезоне петербургская публика увидит премьеры трех прокофьевских опер — событие для одной осени небывалое. И вот первая — яркое комедийное представление «Любовь к трем апельсинам», феерия остроумных оркестровых звучаний, красочных пятен и веселых сценических трюков. Утонченное роскошество костюмов художника Вячеслава Окулева и увлеченность игрой, в которую режиссер Александр Петров вовлек маститых певцов Мариинки, обычно таких безнадежно серьезных и малоподвижных.

Для постановки «Игрока» пригла-

шен грузинский режиссер Гемур Чхеидзе. «Огненный ангел» будет создано сотрудничеством с Ковент-Гарденом и режиссером Дэвидом Фриманом.

Весной на мариинской сцене появится «Дон Карлос» Верди. Тем временем в генуэзском «Карло Фениче» готовятся поставить вместе с Кировским еще не дописанное произведение София Губайдулиной (дирижировать будет Мстислав Ростропович). С Ростроповичем есть договор о «Катерине Измайловой» Шостаковича, с Пласидо Доминго — о партии в «Отелло»...

Это не только инициативы, но и реальные дирижерские работы Валерия Гергиева, не абсолютно бесспорные, но, бесспорно, интересные. Уже более двух лет в Кировском театре бурлит новая жизнь. У многих ее интенсивность вызывает скепсис. Артисты и музыканты с непривычки стовут. Лишь maestro Гергиев умудряется (не без осложнений) вести между бесконечными переездами все основные репетиции и все премьеры, налаживать деловые отношения, на лету завязывать новые, не забывая подбрасывать горсть дерзких идей, разглядеть молодой талант и в очередной раз убедить всех, что только так и можно работать. Непостижимая, щедро одаренная натура, протретный набросок с которой не без юмора сделала корреспондент «Индепендента» Фиона Мэддокс: «Молодой русский maestro исчез. Его искало Би-си. Его искал «Индепендент». Его разыскивали по телефону из Испании Ростропович и Доминго. Человек, одолживший ему запонки для концерта накануне, искал его (и их)... Когда наконец Валерий Гергиев с растрепавшимися волосами влетел в гостиницу, он стал искренне извиняться: произошла некая неразбериха, в которой нужно было разобраться».

...Звонят два телефона. Кто-то барабанит в дверь. Мужчина все еще хочет получить свои запонки. Люди с Би-си нервничают. Но Валерий Гергиев продолжает говорить... Преданность делу — одна из самых сильных сторон Гергиева. Она светится в его дирижировании, в котором — нерв, напряжение, энергия; это передается музыкантам даже в оркестрах, которых он почти не знает. В родном Кировском театре официально он художественный руководитель и дирижер, неофициально — менеджер труппы, администратор, технический директор, посол в другие страны. Гергиев опровергает это, заявляя, что у него есть команда помощников и он просто делает то, что должен делать».

Нора ПОТАПОВА.

С.-Петербург.

Сцена из спектакля «Любовь к трем апельсинам».

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО.